УДК 398.34(=161.1)(470.344)

М. Ю. Черноярова, О. В. Зарубкина

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ, РИТУАЛЫ И ВЕРОВАНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ, СВЯЗАННЫЕ С ДОМОВЫМ

Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей традиционных обрядов и верований, связанных с домовым. Объектом исследования является русская мифологическая проза Чувашии. Также в работе рассматриваются мифическая основа анализируемых обрядов и ритуалов, отражение в них языческих и христианских воззрений народа. Исследуются особенности культуры и быта русского населения края на материале мифологической прозы, обрядов, региональная специфика анализируемого материала. Их детальный анализ позволил авторам проследить генезис образов духов домашнего подворья и связанных с ними сюжетов, выявить процессы, повлиявшие на их трансформацию и функционирование.

Ключевые слова: *домашние духи, мифологические рассказы, Чувашия, специфические особенности, региональные особенности, язычество, христианство, обряды, ритуалы.*

Актуальность исследуемой проблемы. Судьбы традиционных жанров фольклора, выяснение причин и характера их трансформации в условиях постепенного исчезновения – проблемы, которые волнуют научную общественность на современном этапе. Наиболее трудной является задача изучения несказочной прозы русского этноса, так как его формирование и расселение сопровождалось обретением специфических локальных различий в культурно-бытовой сфере. Кроме того, во многих регионах своего проживания русские контактировали с представителями других национальностей. По этой причине необходимо в первую очередь исследовать региональные особенности изучаемого материала, а также особенности бытования современного русского фольклора в иноязычной среде. Поэтому наиболее актуальны изучение русской традиционной культуры прежде всего на уровне отдельных регионов, сопоставление ее особенностей с общерусской традицией.

До настоящего времени остается все также важной и актуальной проблема изучения духовной культуры жителей Чувашского края. Несмотря на то, что в научной литера-

© Черноярова М. Ю., Зарубкина О. В., 2018

Черноярова Марина Юрьевна – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Чувашской государственной сельскохозяйственной академии, г. Чебоксары, Россия; e-mail: luciliya@rambler.ru

Зарубкина Ольга Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Чувашской государственной сельскохозяйственной академии, г. Чебоксары, Россия; e-mail: zovru077@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.12.2017

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации проекта № 16-14-21011 «Русская мифологическая проза населения Чувашии: региональная специфика, образы и мотивы».

туре довольно тщательно и подробно исследованы чувашские обычаи и обряды, мифологические рассказы разноэтничных групп населения Чувашии изучены еще недостаточно [8], [9], [14], [15]. В связи с этим возникает необходимость в дальнейшем исследовании представлений о мифологических персонажах, в частности о домашних духах, анализ которых и будет являться целью нашей работы. Исследованию образа домового были посвящены работы Н. А. Криничной [3], Е. В. Сафронова [10] и др. Однако изучение обрядов и ритуалов исследуемого региона, связанных с домовым, еще не становилось предметом всестороннего и глубокого анализа в трудах фольклористов.

Материал и методика исследований. Материалом нашего исследования явились русские мифологические рассказы и поверья, собранные во время экспедиций студентами и преподавателями Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, Московского городского педагогического университета, а также тексты из личного архива соавтора публикации М. Ю. Чернояровой. Их анализ позволил определить методологические основы и концептуальные идеи работы. Методика исследования опирается на текстологический структурно-семантический анализ мифологических рассказов Чувашской Республики, выявление своеобразия образов и соотнесенность их с региональными обрядами и ритуалами. В процессе работы использовались следующие основные методы исследования: сравнительно-типологический и сравнительно-исторический.

Результаты исследований и их обсуждение. Домовой по-прежнему остается самым популярным персонажем русской мифологической прозы, поскольку он в основном дружествен человеку, живет в каждом доме и от его расположения к хозяевам жилища зависят благополучие и счастье каждой семьи. Чувашский регион не является исключением. В русских поверьях и быличках, записанных на территории региона, упоминания о дворовом, баннике, овиннике и других духах крестьянского подворья за исследуемый период не были зафиксированы. Однако многие функции, присущие этим персонажам, перешли к домовому. Почему была забыта разветвленная система персонажей, связанных с домашним подворьем? Все меньше остается в живых носителей исконной фольклорной традиции. Долгие годы продолжалась миграция сельских жителей в города, выросло целое поколение атеистов, далеких как от христианских, так и от языческих народных традиций. Однако, несмотря на все это, обрядовый комплекс, связанный с духами дома, сохранился в реликтовом виде (чаще всего в воспоминаниях коренных жителей тех или иных деревень и поселков). Рассмотрим самые распространенные.

Например, в Порецком и Алатырском районах Чувашии во дворах растут огромные хвойные деревья, высаженные когда-то жителями домов. Даже старожилы не могут вспомнить, с чем связан этот обычай. Многие из них считают, что, поскольку ель и лиственница – это деревья, связанные со смертью, то, если их высаживать около дома, обязательно кто-нибудь умрет. По этой причине они осуждают эту неправильную, с их точки зрения, практику. Как она соотносится с общерусской традицией? Этот обычай был распространен, например, на территории Владимирской губернии. Еще этнограф XIX в. Г. К. Завойко отмечал, что «при закладке нового дома крестьяне прежде всего втыкают в землю или просто сажают с корнем какое-нибудь дикорастущее дерево» [2, с. 178]. Современные жители Нижегородского края также делятся своими воспоминаниями о нем: «Сажали рядом с домом дерево. Клали в фундамент деньги, где в доме будет красный угол, для того, чтобы жители были богатыми» [12, с. 234]. Если реконструировать старинные обряды, то становится очевидным, что этот обычай связан с культом домового. Например, раньше «в некоторых русских областях верили, что домовой живет в специ-

ально подвешенной для него сосновой или еловой ветке с густо разросшейся хвоей. Такую ветку называли “маткой”» [7, с. 282]. К. А. Соловьев, анализировавший строение жилища крестьян Дмитровского края, считал, что подвешенная во дворе елочка является образным воплощением дворового [11, с. 180]. А в Смоленской губернии существовал обычай не рубить деревья, которые растут около домов, чтобы не прогневить домового [1, с. 372]. Таким образом, представления о том, что домовой (дворовой) обитает на хвойных деревьях, растущих около дома, были распространены в разных регионах нашей страны. К примеру, на территории Смоленской области, Порецкого и Алатырского районов Чувашии, Кавернинского района Нижегородской области не подвешивали еловые ветки во дворах, а высаживали деревья около домов.

Почему хвойное дерево является местом пребывания домового? Дерево – это аналог «мирового древа», место перехода души человека в потусторонний мир. Часто хвойные деревья сажали и на могиле, помогая душе найти быстрый путь на тот свет. Они в народной традиции воплощали вечную жизнь, которая была возможна только в ином мире. Общеизвестно, что домовой – это умерший когда-то первопредок, либо принесенный в жертву, либо призванный нечистой силой прислуживать живущим, поэтому и связано его пребывание в избе или во дворе с деревом, ведь посмертная жизнь души зачинателя рода обитает на границе двух миров – реального и потустороннего. Дерево во дворе, таким образом, – место жительства духов рода. Оно воплощало коллективную душу рода, эманацией которого являлся домовой. Если дерево уничтожить, то один из членов семьи непременно умрет. Подобный обычай связан также и с охранительной магией. Домовой (умерший когда-то первопредок) охранял вход в жилище от вторжения вредоносных сил. Также известно, что при строительстве дома в середине его сажали дерево, имитацией которого позднее стал центральный столб избы [3, с. 107]. Иногда местом, где устанавливается такое дерево, является будущий красный угол, который в верованиях связан и со строительной жертвой, и с культом предков, и с домашним духом. «В некоторых местах домового “вносили” в избу уже в начале строительства вместе с устанавливаемым в срубе (на месте будущего красного угла) деревцем» [16, с. 240]. Также в народе верили, что при строительстве дома духи требовали жертв. Одной из них становился представитель рода, который первым входил в жилище, или тот, кто больше всех любил дом. Именно он в виде домашнего духа и оберегал впоследствии жилище: «Домового обычно представляли в облике хозяина дом, живого либо умершего, или же последнего умершего члена семьи, или самого старшего человека в доме» [16, с. 280].

Подобного рода поверья находят отражение и в мифологических рассказах, записанных на территории Чувашского края. Например, в одном из них рассказывается, что домовой похож на умершего хозяина семьи и появляется то в виде кошки, то в виде человека, напоминает о себе звуками текущей из крана воды. Таким образом, дерево в жилище – это архетипическое осмысление модели мира, двойник изображения мирового древа. Изба – это та же модель вселенной. Все, что связано с локализацией домового там, также соотносится и с обрядами, связанными с культом предков.

Рассмотрим обряды русских жителей Чувашии, связанные с домовым (дворовым). Одна из главных функций домашних духов – предсказание судьбы. По этой причине к ним часто обращались за помощью во время гаданий. Однако позднее участники обряда стали забывать того, кто помогал им узнавать будущее. Гадали, например, в подполе, пространственной точке обитания домового или дворового. «Потом, перед Рождеством гадали. Мы с подругой в подпол лазили, в подвал. Идем, чтоб темно было. Нужны вен-

чальные свечи и венчальные кольца. И там два зеркала. В зеркало смотришь, пока твой суженый появится» (записано Кириллом Сальниковым, Инной Сычевой от Марины Григорьевны Шермановой в с. Кудеиха Порецкого района в 2017 г.) [МФФ КЛ МГПУ]. Подобный обряд был распространен на всей территории нашей страны, в частности в Нижегородской области [13, с. 71]. Мы можем предположить по месту локализации обряда, что он был связан с домашним духом. Фольклорист А. В. Никитина также считает, что «все гадания на Святки, связанные с печью, столом, скотиной или домом, – это вопрошение домового о будущем, узнавание через него судьбы» [7, с. 23].

Также гадали в Порецком районе Чувашии, садясь на кочергу (этот предмет связан с очагом, где обитали домовой и все духи предков). На границе территории, контролируемой домашними духами, совершали обрядовые действия, а затем выходили в ворота. «Вот ворота. Наши глаза закроют, завяжут, вот крутят. Раскрутят тебя. Вот на эту кочергу садишься верхом. Если выйдешь прям в ворота, значит, в этот год замуж выйдешь, а не выйдешь: вон куды в сторону или там еще куды вопрешься – все, значит. Вот так гадали вот. Много гадали. Вот садишься. Печка вот у нас, шесток. На шесток садишься, волосы распустишь, сидишь. Вот вызываш: “Дух мертвого человека, выйди из земли!”» (записано Марией Гуляевой, Анастасией Медведевой от Антонины Ивановны, 1932 г. р., в с. Порецком в 2017 г.) [МФФ КЛ МГПУ]. Шесток – также место локализации домового. С течением времени обряд видоизменился. Первоначально, по-видимому, он был связан именно с вызыванием домового, а позднее его заменил дух Пушкина, которому гадающиезадавали вопросы, раскручивая блюдечко с буквами. Напомним, что в нашей литературной традиции поэт воспринимался как пророк, с помощью которого с простыми смертными общался Бог. В силу этой новой традиции и произошло замещение одного посредника при общении с первопредками на другого.

В с. Кудеиха Порецкого района в 2017 г. были зафиксированы воспоминания коренной жительницы о традиционном для этой местности гадании с использованием лаптя [МФФ КЛ МГПУ]. Раскручиваясь, человек бросал лапоть через плечо. Месторасположение упавшего лаптя указывало сторону, на которой следовало искать жениха. Подобный обряд был распространен и в Сосновском районе Нижегородской области: «Лапти кидали за вороты. Кинешь. Куды веревочка ляжет, там и судьба твоя» [13, с. 70]. Но известно о старинном обряде, во время проведения которого домового именно в лапте перевозили в новый дом. О нем до сих пор помнят в Сосновском районе Нижегородской области: «Еду с лаптем: “Дедушка, домовой, пойдем с нами домой”. И, значит, везут его на лапту» [13, с. 227]. Следовательно, мы можем с большей долей вероятности предположить, что именно с помощью домового, находящегося в лапте, и узнавали сакральную информацию о том, где следует искать свое счастье. Современные рассказчики, безусловно, не помнят о мифологической основе этого обряда, потому что на данный момент его не практикуют. В Ковернинском районе Нижегородской области информанты упоминают и о более древнем обычае – вешать лапти для домового: «Вешали лапотки. У нас теперь уж не плетут-то. Ну, говорят, что вот что: “Домовушка, ножки озябнут, так вот обуйся, говорят, в лапотки”. Да сунут каки-то тряпочки, чтобы это… Это ведь все в старине» [12, с. 158–159]. В Городецком районе Нижегородской области лапти вешали по другой причине: «Во дворе вешали лапти (оба правых или оба левых), чтобы дедушка домовой запутался, надевая лапти, и не мучил скотину» [6, с. 36]. Подобные старинные обряды не были зафиксированы на территории Чувашии. Однако с большой долей вероятности можно предположить, что когда-то они существовали, но были забыты.

Самым распространенным на территории Чувашии остается обряд переселения домового в новый дом. «Когда жили в одном месте и перешли, домового забирают с собой. Ну, приглашают, зовут: “Ну, домовой, пошли со мной. Здесь пожили, будем жить на новом месте”» (записано КирилломСальниковым, Ниной Сычевой от Марьи Григорьевны-Шермановой в с. Кудеиха Порецкого района в 2017 г.) [МФФ КЛ МГПУ]. Многие жители уже не помнят всех деталей обряда. Некоторые из них утверждают, что нет специального ритуального переноса домового в чем-либо. Он сам забирается, куда хочет: «Вот уйдешь ты, как сказать, из дому, значит, его надо звать с собой: “Дедушка, мы уходим, домоведушка, айда с нами, чтобы ты здесь не страдал. Там, может, будем тебя привечать, а ты с нами иди. Я ухожу в другой дом, те, может, будут соседи обежать, чаго ли, айда со мной. Забирайся сам вот, собрала я свои вещи”» (записано от Александры Ивановны в с. Иваньково-Ленино Алатырского района в 2014 г.) [МФФ КЛ МГПУ]. Старинные жители села помнят, однако, и архаичный ритуал, бытующий в данной местности. Когда-то домового переносили в новый дом в кузове: «Вот если, примерно, я вот купила у сестры дом и, когда переезжала, брала пустой кузов: “Пошли, домовой, со мной”. И я иду с пустым – он уж меня не трогает» (записано М. Ю. Чернояровой, И. Н. Райковой от Екатерины Шугуровой в с. Иваньково-Ленино Алатырского района в 2014 г.) [МФФ КЛ МГПУ]. Этот обряд соответствует традициям Ульяновского Присурья: «В текстах, в которых сообщается о необходимости перенести домового, эти действия могут производить при помощи лукошка, кузова, зобни, корзины, посуды» [10, с. 363]. В Нижегородской области в Вадском районе также перевозили домового в лукошке [6, с. 47]. В Чебоксарском районе – вместе с новыми вещами: «Обряд делают, когда переселяют домового. Находят в подпечке вещи и их переносят в новый дом. И домовой вместе с ними переезжает» (записано М. Ю. Чернояровой от Т. А. Осиповой в г. Чебоксары в 2014 г.) [МЛФФЧ]. Иногда нужно только произнести ритуальную фразу приглашения домового, и он, по мнению информантов, переедет на новое место. Обряд связан с охранительной функцией домового. Если его не взять с собой, то «хозяин» обидится, и тогда жди неприятностей. Дом лишается его покровительства и становится доступен для вторжения нечистой силы, некому уже следить за порядком, охранять его. А если взяли домоведушку с собой, то лад и спокойствие воцарятся в доме.

В современных мифологических рассказах Сосновского района Нижегородской области упоминается о том, что когда-то существовали обряды с перенесением домового в лапте, на кочерге, в квашонке, на ухвате, в тапочке, который кладут под печку. В Воронежской области бытует поверье, что домового следует перевозить на венике. Упоминания об этих архаичных обрядах в мифологических рассказах и поверьях Чувашии отсутствуют. Однако общей для двух соседних регионов является современная ритуальная практика: домового просто приглашают с собой, не сопровождая эту просьбу никакими ритуальными действиями. Не встречается на исследуемой территории и перенесение домового с углями и на хлебной лопате. У чувашей был зафиксирован необычный ритуал переезда в новый дом: домового Пирешти переносят вместе с печной глиной, которую укладывают в кисет и прячут под полу с приговором [9].

С трудом вспоминают жители Порецкого и Алатырского районов Чувашии о традиции заселения в новый дом. Для того чтобы жить счастливо, необходимо было запустить при вселении в дом кошку: «Это надо в свой дом кошечка брать. Помолиться надо, иконку принести. Вот она. Соль надо взять, хлебушек» (записано М. Ю. Чернояровой, И. Н. Райковой от бабы Саши в с. Иваньково-Ленино Алатырского района в 2015 г.) [МФФ КЛ МГПУ]. Почему необходимо запускать кошку, зачем нужно было использо-

вать хлеб и соль, рассказчица не знала, но считала, что следует придерживаться существующей традиции. В соответствии с общерусским обычаем кошка использовалась в качестве «строительной жертвы». Хлеб и соль считались ритуальной едой, которую обычно жертвовали домовому для того, чтобы тот оберегал семью от несчастий. Причем языческие атрибуты в данном ритуале традиционно соседствуют с христианскими: используется также и икона. В отличие от старинного обряда, который производился обычно в полночь, современный может совершаться в любое время суток.

Подобный обряд был распространен повсеместно. Например, в Сосновском районе Нижегородской области: «Кошку – да, это закон! Обязательно пускали в новый дом. Ну, признавали так, что вроде, если уж она помрет, кошка – Бог с ней!» [13, с. 195]. Исполнительница явно указывает на смысл существующего обряда: кошка является заместительной жертвой, которая должна отвести смерть от человека. В Ульяновском Присурье, также как и в русских регионах Чувашии, популярен обычай запускания кошки в новый дом, сопровождающийся жертвенными дарами домовому в виде хлеба с солью [10, с. 364]. Смысл обряда в Кавернинском районе Нижегородской области объясняли так: «Первым делом катили каравай, чтобы был достаток в доме. Затем пускали в дом кошку, чтобы не водилась нечистая сила (другие покойники). Затем входили хозяева, ставили икону в красный угол и читали молитву Богородице. С этими словами вносили стол, а затем ухваты» [12, с. 236]. В Нижегородской области домовому ночью ставят свечку, чтобы освятил дом. «Хлеб и воду при переезде оставляют дворовому. Обряд переезда сопровождают молебном и поминальным обедом, где ставят стопки, вилки и все для домового. Как бы предка почитают» [12, с. 237]. Встречается подобный обряд и в чувашском фольклоре: в первые дни нельзя людям ночевать в новом доме, необходимо запускать вначале кошку или курицу. В отличие от русских обрядов, в чувашских этот срок составлял три дня.

Другим традиционным обрядом при переселении домашнего духа в Алатырском районе Чувашии был следующий: в новом доме нужно было подвесить кузовок с домовым во дворе: «Купили вот этот дом (это я у сестры купила, она уезжала в Куйбышев, а я у ней взяла этот дом), и, когда стали переходить, взяла кузовок (есть там небольшой): “Ну, давай, садись и пошли домой!”. И я с собой взяла. И ничего, все хорошо. Живем, никто нас не трогает, ничего» [МФФ КЛ МГПУ]. Этот обряд помогает жителям охранять свой дом от чужих, лихих домовых, нечистой силы с помощью своего домашнего духа. Этот обряд свидетельствует о том, что произошло совмещение функций домового и дворового, и они стали восприниматься как единое существо. Подобный синтез этих персонажей характерен для среднерусских и южнорусских областей, например, для Сосновского района Нижегородской области.

Старейшие жительницы Алатырского и Порецкого районов Чувашии, верующие одновременно и в Бога, и в домовых, дополняют обряд и христианской атрибутикой. Они чертят на стене кресты и используют молебен, чтобы усилить его действенность: «Не видела, не слышала [домового], только кузовок вешала во дворе. Потом молебен я служила, вот. Вон кресты у меня. На эти вот молебен служила я. И все, все хорошо» (записано М. Ю. Чернояровой, И. Н. Райковойот Екатерины Шунгуровой в с. Иваньково-Ленино Алатырского района в 2014 г.) [МФФ КЛ МГПУ].

Отношение к домовому двойственное. В большинстве случаев домашний дух воспринимается как благожелательное к человеку существо, охраняющее дом, которое необходимо задобрить: «Всегда, когда куда-то уходим из дома все, то – обязательно: “Домовой, жди меня домой, охраняй дом, будь умницей, тебе гостинцы привезем”. Приходим, мама

открывает дверь: “Ну, домовой, пришли домой, молодец, все в сохранности. Теперь садись с нами кушать”» (записано Кириллом Сальниковым, Ниной Сычевой от Марьи Григорьевны Шермановой в с. Кудеиха Порецкого района в 2017 г.) [МФФ КЛ МГПУ]. В одном из современных мифологических рассказов знахарка заставляет людей даже завести себе домового, поскольку без него аура в доме плохая. Недаром еще С. В. Максимов писал: «Большая часть крестьян так к ним привыкла, так с ними примирилась, что не согласна принимать домовых за чертей и считает их за особую отдельную добрую породу» [4, с. 30].

С другой стороны, к нему относятся как к нечистой силе, которую необходимо изгнать. «Переехали мы с мужем на новое место: купили деревянный домик. И он нас не любил: то вещи прятал, то по ночам шумел. То в доме кошка мяукала, а ее у нас не было никогда. Я сразу поняла, что у нас нечисть водится. Освятил дом священник, и домового не стало» (записано студенткой Л. Г. Антоновой от Елены Владимировны Гаркиной, 1960 г. р., в 2010 г.) [МФФ КРиЛ]. В данном тексте не называются причины подобного отношения к домовому. По всей видимости, так воспринимают чужого, доставшегося в наследство от старых хозяев домового, который, безусловно, связан с чужими, а значит, опасными покойниками.

Деревенские бабушки, знакомые с древней традицией и ретранслирующие ее потомкам, осуждают гонение на домового. Они считают, что необходимо почитать его, иначе домашний дух обязательно отомстит: «Ну, как можно? Ну, например, то, что всегда домовой должен быть дома, дома, дома. И ему надо как бы сказать: “Ага, домовой, мы вот уезжаем, оставляем на тебя хозяйство и что все это”. А обидеть может. Есть люди, которы, ну, прогоняют прям, считают, что это плохо – раз домовой. И прогоняют, а он на это очень обижается! Или, например, не возьмут его с собой. Например, переехали со своими вещами, а домового оставили, где был. Так что он обижается. А когда его почитаешь, он будет все охранять» (записано И. Н. Райковой, М. Ю. Чернояровой, Д. Енбековой, Е. Бронзовойот Марии Александровны Сидякиной, 1929 г. р., в с. Стемасы Алатырского района в 2014 г.) [МФФ КЛ МГПУ].

В современных мифологических рассказах обязательным мотивом является описание обряда кормления домового. Обычно его совершали в определенные праздничные дни для умилостивления, при переезде на новое место. Особенно это требуется в тех случаях, когда в старый дом или квартиру заезжают новые жильцы и забывают о том, что в нем обитает старый домовой. Этот «жилец» начинает требовать уважительного отношения к себе. В таких случаях и помогает кормление: «Мы с сестрой решили жить отдельно от родителей. Купили однокомнатную квартиру. Квартира нам очень понравилась. Потом мы стали часто просыпаться по ночам от звуков на кухне. Что-то двигалось, отодвигались и задвигались ящики, хлопали дверцы, что-то стучало. Мне сказали, что это, скорее всего, домовой чудачит. Посоветовали общаться с ним: приходя домой, здороваться с ним, уходя – прощаться. На угол стола класть какую-нибудь сладость. Я так и стала делать. С тех пор я больше не слышала никаких посторонних звуков» (записано О. В. Терентьевой от В. П. Франтовой, 1943 г. р., в г. Чебоксары в 2012 г.) [МФФ КРиЛ]. Для новых хозяев домовой – страшная, пугающая сила, которую надо нейтрализовать: «Без особого обряда старый домовой не может покинуть старого дома и мстит новому хозяину, изводя у него скотину, причиняя другие убытки хозяйству» [16, с. 295].

В то же самое время в большинстве мифологических рассказов Чувашии, записанных от горожан, домового воспринимают как члена семьи, который может и за столом посидеть, и чая попить со всеми. Он напоминает о себе в том случае, если про него начали забывать. Иногда домового надо успокоить кормлением, чтобы не проказил: «Я испу-

галась: ведь кран никто не открывал, а дома, кроме нас, никого нет. Но подруга моя не испугалась и так спокойно сказала мне, что это домовой балуется, и стала с ним разговаривать: “Ну, что ты? Садись, давай с нами чай пить”. Она налила ему чашку горячего чая, положила рядом с блюдцем шоколадную конфету. Кран еще несколько раз открывался и закрывался, а потом перестал. Успокоился домовой» (записано Е. Ю. Леньковой от А. Николаевой, 1952 г. р., в г. Чебоксары) [МФФ КРиЛ].

Кормят домового и в том случае, если хотят, чтобы счастье в доме не переводилось: «У нас в деревне тетя Лида живет. Вот рассказывали, что она домового видела. Он вроде как кот, лохматый, сам небольшой, теплый. Она даже домового молоком кормит. На холодильник конфетки кладет. А когда за стол садится, ложку положит и позовет его: “Домовой, домовой, садись с нами кушать”. Говорят, что где домовой, там и счастье есть. А живет тетя Лида благополучно» (записано студенткой гр. ФФ-11-11 В. В. Васильевой от А. А. Кузьминой, 1963 г. р., русской, в г. Чебоксары) [МФФ КРиЛ]. Если раньше в качестве ритуального кормления в основном использовали хлеб с солью, то теперь это могут быть и молоко, и конфеты. Единственное, что остается неизменным, – это кормление блинами. Поскольку домовой – это почитаемый первопредок, дух рода, то, соответственно, используется поминальная ритуальная еда: «У нас домовой живет. Я вот сижу дома. И он тоже сидит, чтоб не грустно мне было. Мы с ним беседуем иногда. Я говорю, а он слушает. И когда потеряю очки свои, он их всегда находит и в одно и то же место кладет. А тогда радуюсь и домовому моему блинчиков испеку. Мне вот и не верит никто. А ведь есть он. Я ведь блины не люблю. Совсем не ем. Куда-то же они пропадают? Это домовой их кушает» (записано В. Венгренюкот В. С. Кружкиной, 1947 г. р., в г. Чебоксары в 2010 г.) [МФФ КРиЛ]. Обязательно надо уважить домового и в том случае, если вы временно проживаете в доме.

В Чебоксарском районе Чувашии в д. Кочаково, Соляново, Пятино, Гремячево оставляли ему около подпечка постоянное ритуальное подношение: пирожок и воду. Иногда – блюдечко молока. Подобный ритуал существовал и в Сосновском районе Нижегородской области: в подпечек сыпали крошки хлеба. Или кусочек хлеба клали на брус, над печкой [13, с. 225–226]. В Ковернинском районе Нижегородской области – печенья, молока или меда: «Его надо кормить. Ну, вот куплю вон печенья и накладу, а потом вытащу – опять свеженького. Все, говорят, надо ему класть где-то» [12, с. 155]. В Нижегородской области варят кашу и оставляют ему на столе. Специально не покрывают пищу, чтобы он мог угоститься. В Ульяновском Присурье – чай, колбасу, что-нибудь сладкое [10, с. 362–363], в Алатырском районе Чувашии – конфеты и сахар.

Однако многие современные исполнители отрицают саму необходимость кормления. Они считают, что домовой живет в доме и сам может угоститься тем, чем захочет. Таким образом, обряд ритуального кормления сохранился, но изменился. Место кормления выбирают уже не так тщательно. Оно не всегда соотносится с местом жительства домового. Изменилась и ритуальная еда. Домашнего духа угощают всем, что есть на столе. В отличие от других российских регионов, в Чувашии отсутствует кормление домового с помощью яиц, водки.

У чувашей, проживающих на территории республики, существовал подобный обряд кормления домового: «Домохозяин, возвращаясь из гостей, вынимает куски хлеба или что-либо съестное из кожаного мешка и бросает перед или за печку и по углам, чтобы духи домашние не обижались» [8, с. 70]. В качестве ритуального угощения могли использоваться пироги, блины, калачи. У чувашей был особый дух подпола Сакайенчи, которому угождали тем, что 12 онгонов из теста расставляли по углам по три в каждом.

Еще существовал дух рода Йерех, насылающий болезни. Ему жертвовали кисель, блины, нухратки. Он обитал в сарае. Домашнему духу Хертсурт еда оставлялась прямо на печи, которая являлась местом его жительства. Особенно был распространен обряд умилостивления домашнего духа при закладке печи. Кашей, сваренной в его честь, угощали гостей. На кашу клали деньги. Иногда к ней добавлялась жертвенная лепешка.

Отметим сходство в русской и чувашской фольклорной традиции: обряды кормления домового раньше были приурочены к определенным праздникам, в основном к дням поминовения усопших предков, поскольку домашние духи были генетически с ними связаны, ритуальная еда первоначально была такой же, как и в похоронно-поминальных обрядах. «Во время ежегодных поминок, в день свечи и осеннего пива, когда в честь умерших в семье зажигают по свечке на правой стороне избы возле двери, на месте для умерших, не забывают и о домовом. Для него тоже ставят свечку на левой стороне около двери, на той стороне, где стоит печка, где он живет» [5], [15]. «Обычно какой-нибудь родственник приходил в дом, неся с собой гостинцы-лепешки. Как это принято было на поминках, разделив пополам лепешку, первый кусочек бросал на печку для домового» [15]. В русском фольклоре раньше отламывали ритуальный хлеб и бросали его под печку. Однако в современных мифологических рассказах и поверьях кормление может осуществляться в любой момент, поскольку обрядовая практика постепенно забывается.

Необходимо также проанализировать основные способы нейтрализации домового, использующиеся на территории Чувашии. Итак, самым популярным из них, как было уже сказано, является языческий обряд кормления, задабривания домового угощением. Он распространен повсеместно.

Жителями города, переезжающими в старое жилье, для нейтрализации и изгнания домового, который воспринимается как чужая, неведомая сила, используется христианский ритуал освящения квартиры. Он распространен в основном в городе, в деревне встречается реже. Практически отсутствует такое отгонное средство, как матерная ругань, столь распространенная в прошлом. Она заменяется простой словесной просьбой. Самая радикальная мера – борьба с душащим домовым – встречается достаточно редко. Единичны случаи использования молитвы и крестного знамения. Редкое использование подобных отгонных средств свидетельствует о том, что до сих пор преобладает представление о том, что домовой, в отличие от других духов, являясь членом рода человека, дружествен ему и не боится ни молитвы, ни крестного знамения. В Нижегородской области молебен сопровождается угощением домового [16, с. 36]. В Ковернинском районе Нижегородской области от домового и дворового избавляются с помощью заговора, кормления. От дворового – с помощью крестов, сделанных из соломы. Хранят в доме чертополох, втыкают во дворе осиновые колья, то есть спасаются от него как от нечистой силы [12, с. 155]. От домового освящают квартиру ладаном и «Богородициной» молитвой [12, с. 157], хлещут по стенам штанами с молитвой [12, с. 161], иногда стучат вениками по углам. В Ульяновском Присурье изгоняют домового из хлева, садясь на кочергу, держа в руках завязку от штанов, используя матерную ругань. Кочергу перевязывают красной тряпкой и бьют ею по углам двора или хлева, выгоняют прутом или дубинкой, ругаются матом, выгоняют с помощью «знающих» [10, с. 361–362]. Подобные способы нейтрализации домового отсутствуют вматериале, записанном на территории Чувашии.

С. В. Максимов указывал на разницу в усмирении домового на Севере и в центральных и южных губерниях России. В центре и на юге ему в дар приносят хлеб и разноцветные лоскутки. На Севере – дары на навозных вилах и на кончике жесткой плети [4]. Поэтому спосо-

бы нейтрализации домового, описанные в русских мифологических рассказах и поверьях Чувашии, близки к тем, которые используются в центральной и южной частях России.

Резюме. Таким образом, можем сделать следующие выводы. Многие обряды, связанные с домовым, сохранились лишь в воспоминаниях исполнителей, которые иногда не могут объяснить назначение их основных атрибутов. В основном практикуются следующие из них: приглашение домового при переезде в новый дом, его кормление, способы нейтрализации. Обряды значительно упростились и в целом соответствуют общерусской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добровольский В. Н.* Данные для народного календаря Смоленской губернии // Живая старина. – 1894. – Вып. 3–4 (отд. I). – С. 357–380.

2. *Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. – 1914. – № 3. – С. 81–178.

3. *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза: истоки и полисемантизм образов : в 3 т. Т. 1 : Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-хозяевах. – СПб. : Наука, 2001. – 580 с.

4. *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб. : Полисет, 1994. – 448 с.

5. *Мессарош Д.* Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары : ЧГИГН, 2000. – 360 с.

6. *Мифологические* рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. В. Храмова, Ю. В. Шеваренкова. – СПб. : Тропа Троянова, 2007. – 496 с.

7. *Никитина А. В.* Русская демонология. – СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2006. – 400 с.

8. *Салмин А. К.* Духи требуют жертв. – Чебоксары : Чувашское книжное изд-во, 1990. – 167 с.

9. *Салмин А. К.* Система верований чувашей. – Чебоксары : Изд-во ЧГИГН, 2004. – 208 с.

10. *Сафронов Е. В.* Домовой // Традиционная культура Ульяновского Присурья : этнодиалектный словарь : в 2 т. Т. 2. – М. : Индрик, 2012. – С. 357–365.

11. *Соловьев К. А.* Жилище крестьян Дмитровского края. – Дмитров : Изд-во Музея Дмитровского края, 1930. – 194 с.

12. *Фольклор* Ковернинского района Нижегородской области : в 2 ч. Ч. 2 / сост. : Ю. М. Шеваренкова, К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова ; под ред. Ю. М. Шеваренковой. – Н. Новгород : Б. и., 2013. – 456 с.

13. *Фольклор* Сосновского района Нижегородской области / сост. А. Н. Каракулов и др. ; под ред. К. Е. Кореповой. – Н. Новгород : Растр-НН, 2012. – 505 с.

14. *Черноярова М. Ю.* Образ лесного духа в русских мифологических рассказах Чувашии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2017. – № 1(93). – С. 76–83.

15. *Черноярова М. Ю., Зарубкина О. В.* Сравнительная характеристика водных духов в русском и чувашском фольклоре (на материале мифологической прозы Чувашии) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2017. – № 1(93). – С. 84–98.

16. *Шапарова Н. С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М. : АСТ ; Астрель ; Русские словари, 2001. – 624 с.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

МФФ КРиЛ – материалы фольклорного фонда кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова.

МФФ КЛ МГПУ – материалы фольклорного фонда кафедры литературы Московского городского педагогического университета.

МЛФФЧ – материалы личного фольклорного фонда М. Ю. Чернояровой.

UDC 398.34(=161.1)(470.344)

M. Yu. Chernoyarova, O. V. Zarubkina

TRADITIONAL HOUSE SPIRIT RITES, RITUALS AND BELIEFS OF THE RUSSIAN POPULATION IN CHUVASHIA

Chuvash State Agricultural Academy, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of traditional house spirit rites and beliefs. The object of the study is the Russian mythological prose of Chuvashia. The paper also considers the mythical basis of the rites and rituals and pagan and Christian beliefs in them; explores the peculiarities of the life and culture of the Russian population of the region on the basis of mythological prose and rituals, regional specificity of the analyzed material. The detailed analysis contributing to tracing the genesis of the images of house spirits and the related subjects, and revealing the processes that influenced their transformation and functioning.

Keywords: *house spirits, myths, Chuvashia, specific features, regional characteristics, paganism, Christianity, rites, rituals.*

REFERENCES

1. *Dobrovol'skij V. N.* Dannye dlja narodnogo kalendarja Smolenskoj gubernii // Zhivaja starina. – 1894. – Vyp. 3–4 (otd. I). – S. 357–380.
2. *Zavojko G. K.* Verovanija, obrjady i obychai velikorossov Vladimirskoj gubernii // Jetnograficheskoe obozrenie. – 1914. – № 3. – S. 81–178.
3. *Krinichnaja N. A.* Russkaja narodnaja mifologicheskaja proza: istoki i polisemantizm obrazov : v 3 t. T. 1: Bylichki, byval'shhiny, legendy, pover'ja o duhah-hozjaevah. – SPb. : Nauka, 2001. – 580 s.
4. *Maksimov S. V.* Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila. – SPb. : Poliset, 1994. – 448 s.
5. *Messarosh D.* Pamjatniki staroj chuvashskoj very. – Cheboksary : ChGIGN, 2000. – 360 s.
6. *Mifologicheskie* rasskazy i pover'ja Nizhegorodskogo Povolzh'ja / sost. K. E. Korepova, N. V. Hramo-va, Ju. V. Shevarenkova. – SPb. : Tropa Trojanova, 2007. – 496 s.
7. *Nikitina A. V.* Russkaja demonologija. – SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet, 2006. – 400 s.
8. *Salmin A. K.* Duhi trebujut zhertv. – Cheboksary : Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 1990. – 167 s.
9. *Salmin A. K.* Sistema verovanij chuvashej. – Cheboksary : Izd-vo ChGIGN, 2004. – 208 s.
10. *Safronov E. V.* Domovoj // Tradicionnaja kul'tura Ul'janovskogo Prisur'ja : jetnodialektnyj slovar' : v 2 t. T. 2. – M. : Indrik, 2012. – S. 357–365.
11. *Solov'ev K. A.* Zhilishhe krest'jan Dmitrovskogo kraja. – Dmitrov : Izd-vo Muzeja Dmitrovskogo kraja, 1930. – 194 s.
12. *Fol'klor* Koverninskogo rajona Nizhegorodskoj oblasti : v 2 ch. Ch. 2 / sost. : Ju. M. Shevarenkova, K. E. Korepova, N. B. Hramova ; pod red. Ju. M. Shevarenkovoj. – N. Novgorod : B. i., 2013. – 456 s.

© Chernoyarova M. Yu., Zarubkina O. V., 2018

Chernoyarova, Marina Yuryevna – Senior Lecturer, Department of General Educational Disciplines, Chuvash State Agricultural Academy, Cheboksary, Russia; e-mail: luciliya@rambler.ru

Zarubkina, Olga Viktorovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of General Educational Disciplines, Chuvash State Agricultural Academy, Cheboksary, Cheboksary, Russia; e-mail: zovru077@mail.ru

The article was contributed on July 10, 2017

13. *Fol'klor* Sosnovskogo rajona Nizhegorodskoj oblasti / sost. A. N. Karakulov i dr. ; pod red. K. E. Korepovoj. – N. Novgorod : Rastr-NN, 2012. – 505 s.

14. *Chernojarova M. Ju.* Obraz lesnogo duha v russkih mifologicheskih rasskazah Chuvashii // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2017. – № 1(93). – S. 76–83.

15. *Chernojarova M. Ju., Zarubkina O. V.* Sravnitel'naja harakteristika vodnyh duhov v russkom i chuvashskom fol'klore (na materiale mifologicheskoj prozy Chuvashii) // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2017. – № 1(93). – S. 84–98.

16. *Shaparova N. S.* Kratkaja jenciklopedija slavjanskoj mifologii. – M. : AST ; Astrel' ; Russkie slovari, 2001. – 624 s.

SOURCES AND MATERIALS

MFF KRiL – materialy fol'klornogofonda kafedry russkogo jazyka i literatury Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. N. Ul'janova.

MFF KL MGPU – materialy fol'klornogofonda kafedry literatury Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta.

MLFFCh – materialy lichnogo fol'klornogo fonda M. Ju. Chernojarovoj.